

ШИПОВНИК

Рассказ

1

Иван Федулов теперь уж и не припомнит, когда начал заниматься сбором шиповника. Да, видно, еще в молодые годы, когда по выходным гулял с песиком окрестными полями да перелесками. Лесами эти байрачные посадки трудно назвать, хотя именно так и называют. Как говорится, на безрыбье и рак — рыба. Ведь в Донбассе настоящие леса в основном по течению Северского Донца да в районе Кременной. Впрочем, какая разница — большой ли массив или так себе, дубовая рошица, — колючих кустов с заманчивыми красными плодами везде хватает. Достаточно их было и Федулову, который сначала собирал шиповник, чтобы полакомиться, очистить плотную красную оболочку от мелких и колючих зернышек, положить в рот. Говорят, в шиповнике уйма полезных витаминов, особенно витамина С. Но больше одной или двух штук их, конечно, не съешь. Поэтому поначалу и хватало Ивану одной горсти или заполненного плодами кармана, а потом прослышал, что из шиповника — вкусный и, главное, полезный чай, начал собирать плоды на зиму. А когда узнал рецепт приготовления вина — тут уж вообще поставил сбор шиповника на серьезную основу! Начал объезжать на велосипеде все «ягодные» места и собирал шиповник целыми ведрами. А чтобы память не подводила и не приходилось каждый год припоминать, где наиболее крупные плоды, нарисовал на листе плотной бумаги что-то вроде карты окрестностей города, с контурами лесов, дорог и даже высоковольтных ферм, у которых, невидимые издали, приютились кусты шиповника. И всю карту поместил крестиками и ноликами. Крестики обозначали шиповник, нолики — кусты терна, который, дождавшись спелости, тоже становился настоящим лакомством.

Конечно, карту эту Федулов никому не показывал. Положил в кармашек старой спортивной сумки, где она и лежала. И не потому, что боялся привлечь в «ягодные» места лишних любителей тихой «охоты», как зовут грибников и сборщиков разных диких плодов и ягод, — Федулов боялся насмешек. Мужики ведь, особенно шахтеры, — народ языкастый. Завтра же распусят по шахте сплетню, что Федулов собственноручно изготовил карту и по ней передвигается лесами! Распусят, распусят, с них станется! Иван от них уже натерпелся. Лет в сорок заочно окончил горный техникум и, сразу же почувствовав себя другим человеком, начал приходить на работу... в галстук! И не только в дневную смену, но и в ночь! Дескать, пока ездил на сессии, пока защищал диплом — привык к этой детали одежды культурного человека и без галстука теперь никуда!

Долго же потом смеялись и потешались над ним. Наверное, целый год. Да и спустя годы нет-нет да и подковырнет какой-нибудь поддатый горнячок:

— Эй, Расскажи, куда ты свой галстук спрятал!

И так зальется, так захрюкает, довольный своей «остротой», что вот так бы взял да — по рылу, по рылу его, паскуду!

Но приходилось терпеть, делать вид, что его такими «шпильками» не проймешь. Он с придурками не связывается.

А вино, нужно сказать, получалось вкуснейшее. Не один десятилитровый бутыль ставил на зиму Федулов, не один десяток выпил их за свою жизнь. А потом услышал от кого-то, что вино из шиповника вредит мужской силе, начал прислушиваться к своим плотским желаниям и с горечью осознал, что тот мужик прав... О том же, что это подходит старость, он не допускал и мысли.

Но все это было до войны, которая за пару месяцев так нашла землю не только острейшими осколками, но и неразорвавшимися снарядами, что весь шиповник и весь терн остались неубранными и достались зимой птицам...

2

Этой же осенью, которая оказалась намного тише прошлогодней, потому что обстрелы с обеих сторон стали намного реже, Федулов все-таки решил пройти по лесу, нарвать шиповника. Хотя бы одну спортивную сумку, чтобы было чем заваривать чай.

Взял, как всегда, и сумку, и ручку давно припасенного старого зонта, и брезентовую, на левую руку, рукавицу. Округлой ручкой зонта можно достать и притянуть книзу самую высокую ветку, а брезентовая рукавица спасала от острых шипов, которыми эти ветки были усеяны. И в добром, даже приподнятом настроении отправился в лес.

Велосипед сегодня не брал. На велосипеде он, бывало, объезжал придорожные кусты, а сейчас обочины автодорог во многих местах заминированы.

Спустившись в низины, где еще колыхались остатки утреннего тумана, на короткое время забыл о войне, которая уже успела наделать немало бед. Эти загородные места напомнили ему и давнее детство, когда мальчишеской гурьбой лазили здесь в поисках каких-то приключений, и недавнее мирное время, когда веселой компанией устраивали у речки семейные пикники... Сейчас же не до праздников, не до пикников. Молодежь, может быть, и веселится, и радуется жизни, а старикам какое веселье?! Ночь без обстрелов — и уже хорошо. Уже слава богу! А если и прилетит откуда-то, то дай бог, чтобы без жертв и разрушений.

Было тихо и солнечно, как зачастую бывает в начале осени. Уставший туман прилег на землю, сделал влажной слегка пожухлую траву, дорожка к лесу потемнела и стала скользкой. Но шлось, как дышалось. А дышалось легко. Федулов много лет проработал под землей, но легкие не забил, даже при небольшой запыленности пользуясь респиратором. Да и вообще поддерживал здоровье ежедневной физзарядкой. Поэтому шел не уставая, с удовольствием вдыхая свежий, с запахом палого листа, воздух.

И вот он — лес! Можно было бы сразу углубиться, там, у родника, есть пара кустиков шиповника. Но, помнится, мелковат. Федулову же хотелось нарвать плодов покрупнее и посочнее, а самые крупные — на окраине леса, под высоковольтной фермой, как раз между ее четырьмя опорами. Хитрый куст словно огородился этими опорами от остальных деревьев и, никем не притесняемый, разросся до огромных размеров.

Федулов шел и оглядывался на город, который издали выглядел вполне мирным, будто не было в нем никакой военной техники и одетых в камуфляж людей, будто не зияли черными глазницами окон попавшие под обстрел дома... А здесь, на природе, там мирно все, так умиротворенно и успокаивающе! Лес еще зеленый, лишь побурели некоторые деревца да кусты, и все же и деревья эти, и кусты, и травы, среди которых виднелись увядающие полевые цветы, все-все пахло и одновременно дышало осенью.

Подходя, еще издали увидел, что его любимый куст шиповника цел и невредим. И, словно огромный флаг, краснеет нетронутыми плодами. У-у-у, такое не всегда бывало! В иной год вездесущие старушки с легкими бидонами первыми обносили этот куст снизу. Верхушка его, конечно, доставалась Федулову, потому что у старушенций

руки коротки, и все-таки было обидно довольствоваться тем, что осталось после более шустрых любительниц шиповника. Нынешней же осенью здесь явно не побывал ни один человек, никто не позарился на такую красоту. Война!

И все же Федулов ускорил ход, словно его кто-то мог обогнать и первым наброситься на густо краснеющие плоды. И даже когда подошел, не дал себе ни секунды передышки. Словно в каком-то ритуале, сначала сорвал, очистил, кинул в рот, а потом уж начал собирать. И рвал не по одной, а сразу по несколько «шиповинок», так они были плотно набиты. Рвал и бросал в сумку, рвал и бросал, рвал и бросал... И оглядывая мельком весь куст, сетовал, что не взял с собой ведра: в его спортивную сумку все не влезет.

Вокруг было тихо и спокойно. Лишь легкий ветерок слегка шевелил грустные в преддверии осенних холодов листья да какая-то пичужка, понаблюдав за человеком, вспорхнула с верхушки разлогого дуба.

Снова насели докучливые мысли о войне, и так захотелось представить, что она уже в прошлом, а с нею остались в прошлом и жестокие обстрелы, и долгие ночи, проведенные в подвале, и хмурые лица земляков, которые готовы видеть в каждом встречном виновников всех этих бед. Ведь у каждого своя правда, свое видение и свое понимание того, что происходит. А происходит самая настоящая война, правда, без линии фронта, как было в ту же Великую Отечественную: установили орудия вблизи жилых домов и лупят по соседнему городу! А из соседнего города прилетают такие же «подарки», разрушая, убивая и калеча.

Куда бедному крестьянину, то бишь мирному жителю, деваться?!

Федулов тяжело вздохнул, огляделся.

В стороне от высоковольтной фермы пролежала автотрасса. Было время, когда по ней ежеминутно пронеслись большие грузовики или лихо шелестящие своими шинами легковушки. Сейчас же и здесь пусто. Ни машины, ни плохонького велосипеда. Да и вообще ни одной живой души.

Федулов хорошо знал все эти места, знал каждую тропинку, каждый бугорок. Одна из этих тропинок огибала лес и, как верная собачонка, бежала рядом с ним до самого пруда. Может, пройтись по ней, как бывало прежде не раз, прогуляться, вспоминая прошедшие счастливые годы?

А почему и нет? Почему не погулять, если и погода позволяет, и времени предостаточно?

Федулов довольно быстро наполнил свою сумку, радуясь крупным и тугим плодам шиповника, которого ему хватит на пару месяцев. А если прийти сюда еще с ведром, то запасется на целую зиму. Он повесил сумку на плечо, взял в руку ручку зонтика, который теперь мог служить ему тростью, и через открытую поляну направился к автотрассе, чтобы выйти от нее на желанную тропинку. И уже почти вышел, как со стороны долетел гул мотора, а затем и ясно различимый лязг гусеничных траков. Звуки эти сразу резанули слух, и Федулов в нерешительности остановился. Бежать назад было поздно. На поляне он хорошо просматривался. Вперед? А если все равно заметят да пальнут из пулемета? Чего, скажут, бежал?

Тут же вспомнил, что рядом, прямо под асфальтом, большая бетонная труба для стекания воды, и бросился туда. Переждать пару минут, пока проедут, а тогда уж дай бог ноги!

Бронетранспортер, как определил Федулов, был один. А это уже хорошо. Сейчас пролетит у него над головой, а через минуту от него и след простынет. Быстрая, грозная машина!

Лязг гусениц все ближе, ближе... и вдруг затих! Только утробно заурчал двигатель и заметно убавил звук.

Федулов стоял ни жив ни мертв. Стоял и боялся пошевелиться.

Слышно было, как что-то щелкнуло, открылось, послышались приглушенные голоса. Затем смех и шелест водяных струй.

Не хватало только, чтобы на голову нассали, — совсем некстати пришла глупая мысль. В спешке он наступил на острый камень, и когда пошевелил ногой — послышался шорох.

Вверху затихли, затем металлически защелкали автоматы.

— Эй, а ну кто там, внизу? Выходи!

Федулов высунул голову и вышел наружу.

— Руки! — прозвучало грозно. — Кто такой?!

Три паренька в камуфляже, три дерзких и настороженных лица, три пары колючих глаз. И три грозящих смертью дула.

— Кто такой, спрашиваю?! — повторили грозно.

Федулову перехватило дыхание, он закашлялся, мотнул головой.

— Ребята... я это... я ничего... я тут шиповник собирал.

— Какой шиповник?

— Да этот же... на кустах... — повел рукой в сторону леса.

— А тут чего засел? А ну, я сейчас...

Один ловко спустился к Федулову, заглянул в трубу.

— Мину, что ли, ставил?

— Да какую мину... Посмотрите, тут же никаких мин! Я ж говорю, шиповник собирал. А потом услышал, что кто-то едет, и испугался.

— А чего тебе бояться, если не шпионишь?

— Да какой же из меня шпион?!

Парень насмешливо оглядел его с головы до ног, махнул рукой.

— Руки-то опусти!

Парень повесил автомат на плечо, взял у Федулова сумку. Вытащил и надгрыз одну шиповинку, затем в «кармашке» надыбал сложенную четверо бумагу. Развернул и поднял брови:

— Ни хрена себе, шиповник он собирает! А ну давай выходи наверх!

Федулов с трудом выбрался на дорогу, еще не понимая, что так возмутило этого парня, а тот уже показывал друзьям обнаруженную у Федулова бумагу.

— Это что у тебя здесь обозначено? Что это за карта, что за крестики-нолики? Что ты ими отмечал? Отвечай, если спрашивают!

Федулов с досады только рукой махнул. Разве ж он мог когда-нибудь подумать, что его врожденная аккуратность может выйти ему боком?!

— Парни, да это же я так кусты шиповника отмечал! Шиповника и терна!

— Зачем?

— Да чтобы не забыть!

Парни переглянулись. Скорее всего, не врет. Не пулеметные же гнезда неаккуратно раскиданы здесь, не стволы орудий. Да и бумага-то давняя, поистерлась.

Подобрили, улыбнулись.

— Ну, ты, дед, даешь! А шиповник зачем — чай пьешь?

— Чай-чай, что ж еще...

— Эх, ты, «чай-чай»! — передразнили незлобно. — Ладно, на твою карту да смотри не потеряй!

Засмеялись и полезли в кабину.

Взревел двигатель, бронетранспортер резко качнулся назад, словно собирался тут же прыгнуть, и, выпустив вонючий дым, помчал вперед.

Федулов проводил его взглядом, затем швырнул сумку под ноги и принялся рвать свою «карту» на мелкие кусочки.